

Двадцать лѣтъ спустя.

„Мы не знали того, с чѣм вступали в бой, но бой приняли. Сила сломила в нас многое, но не она нас сокрушила, и ей мы не сдались, несмотря на всѣ ея удары...

...Странная вещь, что почти всѣ наши грезы оканчивались Сибирью или казнью и почти никогда не торжеством. Неужели это русский склад фантазии или отраженіе Петербурга с пятью висѣлищами и каторжной работой на юном поколѣніи?..

Герцен.

В часы раздумья, безсонной ночью или в предвечерье, кому не приходилось возвращаться мыслью к пережитому и снова и снова пытаться себя и свое прошлое: в свѣтѣ уходящей жизни и нарастающей с опытом умудренности, кто, в концѣ концов, оказался прав,—МЫ или ОНИ?

Неотступен этот вопрос особенно для тѣх, кто не мнит себя в обладаніи абсолютной и вѣчной истиной, данной на всегда и неизмѣнной. Ибо отвѣтъ вовсе не предрѣшен и не должен быть непременно утѣшительным: в глазах грядущаго историка, как и в сознаніи склоннаго к объективности современника, правым может оказаться и противник. И было бы, даже невѣроятно, если бы противник оказался неправ во всем: абсолютное зло встрѣчается в эмпирическом мірѣ вѣдь не чаще, чѣм полнота совершенства.

Знаменитый Александр Бенуа, своим живописным мастерством и художественными интересами цѣлком погруженный в град Петра и Пушкина, недавно обмолвился

характерным признаніем:—“Дорогой мой город, зачѣмъ я покинул тебя. Не лучше ли было бы примириться со всѣмъ тѣмъ, что меня и возмущало, и страшило, и наполняло омерзениемъ, нежели вот ощущать эту свою оторванность отъ кор-ней?” . . .

Тѣмъ легче, конечно, признать свои ошибки политику, чѣмъ оцѣнки всегда относительно и условны.

Побѣда, к которой не может не стремиться активный политик, предполагает, конечно, и воплощеніе в жизни опредѣляющих политическую активность идей и планов. Но такое воплощеніе далеко не всегда имѣет мѣсто и вовсе не обязательно для оправданія политической дѣятельности и борьбы. Для этого достаточно и моральнаго торжества собственнаго идейнаго “комплекса” и идейной капитуляціи противника. Физическое торжество может “увѣичать зданіе”, но оно не является опредѣляющим для политической борьбы.

Двадцатилѣтнія разногласія наши с большевиками-коммунистами имѣли своимъ содержаніемъ, можно сказать, ВСѢ главнѣйшія проблемы соціально-политическаго устройства Россіи: мира, земли, свободы, — свободы политической, соціальной, національной.

МЫ были за скорѣйшее окончаніе войны,—но в рамках общаго мира, а не сепаратнаго, предательскаго и объективно неосуществимаго выхода из войны. ОНИ были за немедленный мир любой цѣной, за превращеніе виѣшней войны во внутреннюю. И, выйдя в Брестѣ из бойни империалистической, они ввергли Россію в войну гражданскую, длившуюся и тогда, когда міровая война давно кончилась,—не в результатѣ, правда, міровой революціи, как бредил Ленин, а путемъ побѣды бывшихъ союзниковъ Россіи. И если и по сей день Россія продолжаетъ быть однимъ изъ главныхъ возбудителей военной тревоги, треплющей Европу, —причиной тому все тотъ же до конца не изжитой, а лишь до времени отведенный в сторону взглядъ на Россію, какъ на “детонатор” и “плацдарм” міровой революціи.

С момента созданія “фронта Вильсона” и Лиги Націй мы видѣли в ней путь и средство регулированія и рѣшенія международных споров и столкновеній. Послѣ того, как и “фронт Ленина” взялъ направленіе на Женеву, а в защитѣ нерушимости Версаля превзошел самих творцов имперіалистически-насильническаго мира, — надо ли еще спрашивать: кто капитулировал идейно и практически?

Мы были всегда за радикальное рѣшеніе коренной для Россіи проблемы о землѣ. Но рѣшеніе мы видѣли не в разнузданіи стихій, а в планомерной передачѣ земли трудящимся на основѣ права,—исконнаго крестьянскаго правосознанія, санкціонированнаго в обще-государственном масштабѣ народно-представительным или Учредительным Собраніем. ОНИ и здѣсь были за немедленное рѣшеніе, в порядкѣ “прямого дѣйствія” и фактическаго захвата близлежащей земли первыми пришедшими.

Земельное поравненіе при большевиках происходило не в государственном масштабѣ, а в предѣлах округи или уѣзда, а то и волости или села,—на свой лад и в мѣру разумній и интересов тѣх, кто осуществлялъ “всю власть Совѣтов на мѣстах”. Земельный кодекс 22-го года пытался упорядочить первоначальный хаос: отношенія, сложившіяся в порядкѣ осуществленія крестьянством права перваго захвата земли, а правительством—перваго захвата хлѣба “продотрядами”, были признаны “отвердѣвшими” и поставлены под защиту совѣтскаго закона и суда. А послѣдующая коллективизація деревни, сплошная и насильственная, сопровождалась отобраніем рабоче-крестьянской властью у крестьян уже не только хлѣба, но и земли. Из объекта владѣнія и кормленія земледѣльца земля превратилась в орудіе совѣтскаго управленія: в средство извлеченія доходов для казны и прямого воздѣйствія на подвластное крестьянство путем надѣленія или лишенія земельных угодій.

Колхозный бригадир, воскресившій через сто с лишним лѣтъ тип бригадира арактеевских поселеній,—выразитель-

ный символ того, к чему пришла советская власть в итогѣ своих методов рѣшенія земельного вопроса, стоивших русскому крестьянству десятков милліонов жертв от голода, в 21-22 и в 32-33 гг., и безощаднаго истребленія властью “кулака и подкулачника, как класса”.

Что же, правы были большевики-коммунисты?

МЫ всегда были и остались сторонниками послѣдовательнаго примѣненія начал демократіи. Впервые вдохнувшіе в себя и в русскую жизнь живительный воздух свободы в 17-ом году, может быть, переоцѣнили ея цѣлительную силу, не дооцѣнили ея соблазнов и риска. Кто читал Достоевскаго, забыл в это время, что—“никогда и ничего не было для человѣка и человѣческаго общества невыносимѣе свободы” (“Братья Карамазовы”), и что — “дай ему волюшки, слабому человѣку, — сам ее свяжет, назад принесет” (“Хозяйка”. 1847 г.). А кто больше Достоевскаго читал критика его “жестокаго таланта”, Михайловскаго, тѣ забыли, что вѣдь и Михайловскій предостерегал—: “Начало безусловной свободы заключает в себѣ недоразумѣніе. . . Нужны реальныя гарантіи свободы, ибо без них выгоды свободы падают на долю не личности, а извѣстных общественных групп, поставленных в выгодныя условія” (“Литерат. Воспоминанія”, т. I.).

Наша преданность свободѣ и демократіи была безспорна,—безоговорочна, послѣдовательна, честна. Сам Ленин наканунѣ Октября заявлял: “Россія теперь самая свободная страна в мірѣ”. Это не остановило его от учиненія заговора не только против правительства, стоявшаго во главѣ “самой свободной страны в мірѣ”, но и против правопорядка, даващаго возможность Россіи стать самой свободной страной в мірѣ.

ОНИ отметили начала равенства и свободы, как пережиток превзойденной, формальной и буржуазной демократіи. На ея мѣсто стала система Советов, с не-общим и неравным избирательным правом, с открытой подачей голосов, с признаем не “лица”, не “гражданина”, или “избира-

теля” ячейкой народного представительства, от “территориальной единицы”, а — группы или коллектива (фабрики, воинской части, железной дороги, кооператива), несущих общественную службу и выполняющих социально-полезную функцию.

Возникнув в порядке хаоса и случайной импровизации, в первый, анархический, или пугачевский период Октября, то, что стало именоваться Советской системой, было надѣлено чертами и свойствами исключительно благостной формы правления. Энтузиасты большевистских достижений поспѣшили признать Советы общеобязательной и необходимой формой социалистического преобразования общества. “Советы повсюду!”—стало не только лозунгом революционного движения, но как бы и предпосылкой социализма.

Но вот наступила новѣйшая “эпоха” — шумиха со сталинской конституцией. Сталин бесѣдует с американцем Рой Говардом, дѣлает доклад на съѣздѣ, созданном для утверждения его имени конституции. Перечтите текст СТАЛИНСКОЙ конституции и вы сами убѣдитесь, что от былой и прославленной системы Советов остались лишь “ножки да рожки” и — самое названіе.

Реабилитировапа—на словах, конечно,—вся “четырёххвостка”; опрокинут на голову весь іерархически-много-степенный порядок выборов в Советы; признано начало законмѣрности в управленіи и подчиненности его суду; восстановлено представительство от “избирательных округов”; наконец, вмѣсто пресловутой “Декларации прав трудящагося и эксплуатируемаго народа”, которой большевики и лѣвые эс-эры пытались в свое время удивить мѣр, противопоставив “социалистическую” Декларацию — Декларацию индивидуальных прав человека и гражданина, провозглашенной буржуазной французской революцией, вмѣсто этого, специальная глава X-ая новѣйшей советской конституции посвящена тоже индивидуальным “Основным правам и обязанностям граждан”.

В Сталинской конституции немало дурного—и прежде всего, конечно, ст. 126, впервые в конституционном тексте узаконяющая привилегию и монополию ВКЦ, в качестве объединения “наибольше активных и сознательных граждан из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся”. Другая статья, 141-ая, вводя порядок официальной заявки кандидатур, закрепляет это право, в качестве особой привилегии, за определенными организациями и обществами. Тем самым, если даже и будет обеспечена тайна самого голосования при выборах, тем, кого можно будет выбирать, окажутся заранее отобранны—или подобраны—при обсуждении кандидатур на открытых собраниях, в присутствии и с благословения начальства. Имются и другие дефекты и изъяны.

И тем не менее Сталинская конституция, рассматриваемая исключительно с точки зрения провозглашаемых ею начал и относительно к тому, во что она обратится в реальности,—являет собою необычайно яркий образец идейной капитуляции. После 19-летнего существования советской системы и утверждения Советов, как символа и исповедания новой веры—диктаториального строительства социализма в одной стране,—система Советов с такою же легкостью дискредитирована и сдана в архив, с какою 19 лет тому назад была сымпровизирована.

И в национальном вопросе БОЛЬШЕВИКИ-КОММУНИСТЫ начали, как и в области социальной, с разнуздания стихии, с демагогического потакания сепаратистским инстинктам — самоопределению вплоть до отделения от России. А кончили—централистским зажимом, уравнием всех народов России пред лицом террористической диктатуры.

Коммунисты не только ликвидировали самостоятельность кавказских народов, но и расплатились их территорией для сохранения своей власти. Так было не только в Брест-Литовске. И, позднее, договор “вѣчной дружбы” с турецким диктатором Кемаль—беєм (нынѣ—Ататурком) был куплен советскою властью цѣною предательства интересов

армянскаго народа. Совѣтская пресса доказывала, что “восточная политика совѣтской власти в цѣлом требовала удовлетворенія имперіалистически-захватнических инстинктов турецкаго “молодого” капитализма за счет армянской націи, во имя крушенія имперіализма колоніальных держав на Востокѣ, а, слѣдовательно, и во имя освобожденія пролетаріата на Западѣ. При таких условіях интересы армянской націи в цѣлом и освобожденіе мірового пролетаріата стѣкнулись на конкретной общественно-политической почвѣ. Интересы армянских трудящихся масс уступили интересам освобожденія пролетаріата в цѣлом” . . .

Эта уступчивость и уступка входили цѣликом в план Ленина, согласно коему Россія в цѣлом может и должна быть принесена в жертву мифу міровой революціи, которая освободит пролетаріат на Западѣ и для которой конкретно данные русскіе, армянскіе и иные пролетаріи, и тѣм болѣе мужики, предназначены служить трамплином,—чтобы не говорить о навозѣ. “Мы не отстаиваем ДАННЫХ границ государств”; “Распад” Россіи (Англіи, Австріи?)—соединенные штаты”,—значилось в “Тезисах”, которые Ленин составил еще в октябрѣ 15 г. и которые сейчас впервые опубликованы (“Правда” от 24. 4. 37.).

И опять можно спросить: надо ли было “федеративно-конфедеративную” систему Совѣтов воздвигать, “союзные” и “республиканскіе” паркоматы создавать, на “союзныя республики” “автономнія” нагромождать и “автономными областями” и “національными округами” их пополнять, — если в результатѣ этого сложнаго сооруженія и чисто словеснаго освобожденія народов, эти послѣдніе в значительной своей части только ждут и видят, как бы избавиться от коммунистической кабалы, хотя бы цѣной отрыва и от Россіи?! И в официальной совѣтской печати можно встрѣтить указанія на то, что и среди коммунистов на окраинах Россіи распространены зловѣрные слухи,

что, “если, с Божьей помощью, возгорится война”, тот или иной народ “получит национальную свободу” . . .

Мы всегда защищали полное самоопределение больших и малых народов: право на национальное самоопределение было признано и на весь мир провозглашено февральской революцией до “14 пунктов” Вильсона. Но столь же решительно были мы всегда против ОДНОСТОРОННЯГО самоопределения, в порядке утверждения самостоятельной воли одного—тѣм болѣе малаго—народа без соглашения с другими. Самостоятельное бытие каждого из народов Россіи мы мыслили—и сейчас продолжаем утверждать— в системѣ коллективной безопасности и независимости Россіи, как цѣлаго. И украинцы, и грузины, и эстонцы участвовали в выработкѣ формулы, по которой Россія провозглашалась “демократической федеративной республикой, объединяющей в неразрывном союзѣ народы и области в предѣлах, установленных федеральной конституціей, суверенные”.

Уничтожая политическую свободу и демократію, коммунизм не мог, конечно, не упразднить и национальной свободы составляющих Россію народов. Никаким развитием грамотности, распространением письменности, насаждением театров, увеличением интеллигенціи или именованіем “конфедерацией” не возмѣститъ того громаднаго ущерба, который нанесен мирному сосуществованію народов в рамках и предѣлах Россіи. Никогда еще сепаратизм на границах Россіи не расцвѣтал таким пышным цвѣтом, как в эпоху превращенія Россіи в “родину всѣх трудящихся міра”.

Меж — и сверх-национальныя цѣли недостижимы, если у интернациональнаго объединенія отнять его подоснову — свободную самодѣятельность отдѣльных народов. К этому самоочевидному и элементарному положенію приходят, повидимому, и коммунисты. Их обращеніе на путь советскаго патріотизма, с возвращеніем к традиціям и цѣностям былой русской культуры, до героев былин и Владимира-краснаго солнышка включительно,—есть сдача

всѣхъ прежнихъ пораженчески-космополитскихъ позицій, на которыхъ большевики стояли, когда шли в атаку на февральскую революцію, и которыя они отстаивали упорно цѣлыхъ 19 лѣт.

Наконецъ,—экономическое освобожденіе трудящихся и социализм.

В до-совѣтское время считалось общепризнаннымъ, что социальная демократія можетъ явиться лишь в результатѣ торжества и развитія демократіи политической. Сначала демократія, а потомъ социализм: ЧРЕЗЪ демократію КЪ социализму—отличало всѣ разновидности социалистическаго переустройства общества отъ проектовъ синдикалистскихъ, анархистскихъ, анархо-синдикалистскихъ и анархо-коммунистическихъ. С утвержденіемъ у власти коммунистовъ, во имя социализма упразднившихъ демократію, соблазнъ экономического раскрыпощенія трудящихся, не дожидаясь предварительнаго политическаго освобожденія и не прибѣгая непременно къ самостоятельности осознавшихъ свои возможности и цѣли массъ,—проник и в не-коммунистическіе круги.

Такъ называемые, австро-германскіе марксисты, с Отто Бауэромъ во главѣ, создали цѣлую теорію двоякаго рода строительства социализма—: в странахъ передовыхъ, западной культуры, и в странахъ отсталой, азіатской культуры. Для послѣднихъ былъ признанъ исторически возможнымъ и морально-политически допустимымъ и диктаторіальный методъ осуществленія социализма, безъ гражданской и политической свободы. Содержаніе и суть социализма сводилась тѣмъ самымъ къ достиженіямъ техники и экономики.

Послѣдніе процессы и разстрѣлы однихъ строителей социализма другими вызвали и некоторую растерянность среди западно-европейскихъ сторонниковъ совѣтской власти, считающихъ, что для Востока общій законъ строительства социализма путемъ демократіи не писанъ и не приложимъ. “Не реформисты, а мы, возлагающіе на Совѣтскій Союзъ величайшія надежды для дѣла социализма, были поэтому наиболее

глубоко потрясены московским процессом, пережили его, как ужасное несчастье для дѣла социализма во всем мирѣ, без различія партій и направлений”, — писал Бауэр, и послѣ разстрѣлов все еще “возлагающій” свои необоснованныя надежды.

Экономическое освобожденіе без политическаго, путем партійной диктатуры и волею вождей или вождя приобрѣло необычайную популярность. Насильники всѣх стран и народов обнаружили чрезвычайно пѣжныя чувства и влеченіе к трудящимся массам и стали им сулить “социализм” в наши дни, т. е. пушки вмѣсто масла и зрѣлища, с обожествленіем вождей, вмѣсто хлѣба и свободы. Наци и коммунисты совершенно точно и справедливо оцѣнивают режим, утвердившійся у противника, — как режим “каторги”. Но они никак не могут согласиться с тѣм, что их собственный режим, одинаково именуемый и там, и здѣсь “социализмом”, отнимает у каждого из них право — отнимает логически и морально — изобличать чужую диктатуру. Крючковатый крест, как символ борьбы против безбожнаго коммунизма, не лучше — и не хуже — пятикопечной звѣзды, как символа революціонной борьбы против расизма, ибо человечности, или гуманизма ни грана нѣтъ ни там, ни здѣсь.

Внутренній варвар, объявившійся послѣ войны в Россіи, в Италіи, Германіи, частично и в Австріи, Польшѣ, Румыніи, Испаніи, даже в Бельгіи оказался типом ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫМ. Этот факт заставляет внести поправку в слишком опрометчивое сужденіе просвѣщенных и малопросвѣщенных европейцев и евразійцев, сводивших весь большевизм к специфическому “мѣсторазвитію” Россіи и скифским чертам русскаго народа. В національный характер и особія условія развитія русскаго народа, безспорныя и неопровержимыя, необходимо внести поправку на ОБЩІЯ и УНИВЕРСАЛЬНЫЯ свойства ЭПОХИ, оказавшей воздѣйствіе на разныя страны и народы.

Этот неотмѣнимый факт придает и нашей распрѣ и борьбѣ с отечественными большевиками-коммунистами

болѣе общій смысл. Он выводит наши разногласія за предѣлы мѣстной, російской исторіи—на просторы мировой геополитики. Быть или не быть за демократію и социализм в формах демократіи перестало уже быть вопросом, раздѣляющим только большевиков от меньшевиков в Россіи и за рубежом. В той или иной мѣрѣ это тревожит душу и совѣсть громаднаго большинства населенія на всѣх континентах міра.

Диктатура не только упразднила свободу, она и продѣлала то, что раньше считалось невозможным и немислимым. Самодѣтельность она замѣнила приказом и насиліем, а объективные законы экономики—субъективным усмотрѣніем и произволом. И для 20-го вѣка свободный труд вовсе не оказался обязательным: “рабсила”, “шкраб” и прочія, производныя от “раба”, состоянія не оказались обреченными на полное безплодіе. Если откинуть моральную цѣнность свободы и жизни и не считаться с издержками производства, на опытѣ Россіи и Германіи явлено, что и в 20-м вѣкѣ принудительный труд может быть производительным, как во времена фараонов и иных деспотов древняго міра. Страх и голод—или террор олигархов—способны и сейчас родить чудеса техники и искусства.

Не будем останавливаться на том, почему мы потеряли поражение двадцать лѣтъ тому назад. Очевидно, имѣлось для того достаточно основаній. Не станем отрицать и того, что за—или: с—большевиками были и долгое время оставались, пусть деклассированныя и апархизированныя, но численно все же значительныя массы. Несожданная их побѣда усилила притяженіе со стороны малодушных и колеблющихся. Но разочарованіе наступило быстро, и отход пачался без промедленія.

Случаи обращенія в новую, совѣтскую вѣру представителей командующих классов стараго порядка исчерпываются единичными “перелетами”—Путиловым и Слащевым или графом Алексѣем Толстым и князем Святополк-Мірским. Откалывались же от новой власти цѣлыя соціаль-

но-политическія массы,—призванныя послѣ Октября играть номинально командующую роль. В оппозиціи оказались и крестьяне, и рабочіе, и даже “краса и гордость” Октября—кронштадтскіе матросы, поднявшіе возстаніе против “созданной коммунистами нравственной кабалы”.

То же случилось и с партійно-политическими группировками. Не говоря о правых,—в неизмѣнной и активной оппозиціи к диктатурѣ ВКП были и остались с.р.-ы и меньшевики. Девяти мѣсяцев не продлился и альянс лѣвых эс-эров с большевиками. Повздорили с ними, не подѣлив добычи, и анархисты, горячіе партизаны ленинских лозунгов: “грабь награбленное!” и “вся власть на мѣстах!” Наконец, сейчас ряды отошедших или отвергнутых совѣтской властью пополнились и коммунистами, правыми и лѣвыми, уравненными с “бѣло-бандитами” и “соціал-предателями”. Создается положеніе, виѣшним образом нѣсколько напоминающее пред-февральское, когда, за дворянской и разночинной интеллигенціей, от самодержавія и самодержца стали отворачиваться постепенно рабочіе и крестьяне, либеральная буржуазія и передовые земцы, к которым за время войны откочевало и большинство вѣрноподаднически настроенных Государственной Думы и Государственного Совѣта, Синода, Объединеннаго дворянства и т. д., до цѣлых линій царствующаго дома—“Владимировичей”, “Михайловичей”, “Павловича”—включительно.

Кто сейчас с гениальным и пезамѣнным “вождем вождей”,—кто с ним не ради “подхалимажа” и из страха, а за совѣсть и по убѣжденію? Какіе классы, группы, партіи? Рабочіе? Молодежь? “Безпартійные большевики”? . . . Только с большими оговорками можно это утверждать. Даже в своем ГОСБЕЗЪ, послѣ “случая” с Ягодой, Сталин не может быть вполне увѣрен.

И тут аналогія с предфевральским временем, когда самодержавнѣйшій монарх оказался покинутым всѣми и

за грѣхи режима предоставлен сам себѣ,—эта внѣшняя апалогія осложняется глубочайшей внутренней трагедіей.

В предфевральскіе дни 17 года вся страна была объединена не только созвучным отрицаніем—так больше жить нельзя, так продолжаться не может, “долой”,—но и общим подавляющему большинству населенія требованіем: “да здравствует!”, до конкретных требованій “четырёххвостки”, Учредительнаго Собранія, скорѣйшаго замиренія, земли трудящимся, раскрѣпощенія рабочаго, малых народов и т. д. Сейчас, можно сказать, всѣ классы и слои населенія Россіи горше прежняго ощущают гнет безправія и произвола, угрозу и риск для каждаго стать объектом очереднаго “выкорчевыванія и разгрома”, возмѣщеннаго только что Сталиным, не взирая на Сталинскую конституцію.

“Долой” — объединяет и сейчас, как 20 лѣт назад, громадное большинство Россіи. Но что поставитъ взамѣн? Это разъединяет не в меньшей мѣрѣ. У каждаго свое “во имя” и свое “да здравствует!” “Контрфорсы” противников подпирают нынѣшній режим, умышленно создававшій общественное распыленіе и всеобщій разброд.

Совѣтскій разброд сейчас признап официаліально. “Лозунгом, вполне отвѣчающим нынѣшнему переживаемому періоду”, по нескладному выраженію Сталина, выдвинуто им—“ОВЛАДѢНІЕ БОЛЬШЕВИЗМОМ”! . . . Можно ли выразительнѣе подчеркнуть бессмысленную никчемность произведеннаго опыта? Пред чѣм останавливались большевики? А в итогѣ — даже большевизмом, оказывается, еще не овладѣли. Совѣтскій воз и нынѣ там, гдѣ увяз двадцать лѣт тому назад.

И нетрудно сказать почему.

Один из самых главных творцов Октября, Троцкій и по сей день продолжает доказывать, что ЕГО Октябрь, который он дѣлал вкупѣ и в дружбѣ с Лениным и Сталиным, был сдѣлан не “методами политическаго гангстеризма”, не “грязью, ложью и клеветой”, примѣняемыми “Борджіа-

Сталиным”, “вѣроломным узурпатором, хладным убійцей, могильщиком революціи” и проч. проч. Было бы долго и практически безцѣльно приводить былыя утверждения Троцкаго о защиту “каленаго желѣза” и “утюга” диктатуры, до безсудных казней, превращенія лидеров социал-революціонной партіи в заложников, вынесенія условных приговоров к разстрѣлу, и т. д. включительно.

В порядкѣ вѣроломства и хладнокровнаго убійства Троцкій не уступал Сталину и тѣм не менѣ потерпѣл от него поражение в борьбѣ за власть и за право говорить именем и от имени “невиданной в мірѣ совѣтской и социалистической республики”. Капитулировавъ перед Сталиным в порядкѣ физическом, Троцкій капитулирует сейчас вторично — уже не перед Сталиным — в порядкѣ морально-политическом. Троцкій признает и выдвигает против “Сталина-Борджія” тѣ самыя начала свободы и демократіи, в открытом и беззащитном нарушеніи которых во имя социализма и міровой (“перманентной”) революціи и заключалось все непревзойденное свособразіе сотвореннаго и Троцким, влюбѣ с Лениным и Сталиным, Октября.

Когда Троцкій, вот уже второй десяток лѣт, обличает сталинскую власть и доказывает сейчас, что “социализм немислим без самодѣтельности масс и расцвѣта человѣческой личности”, что “вся политическая атмосфера Совѣтскаго Союза проникнута духом инквизиціи”, что “бюрократическіе вожди (Совѣтов) вынуждены скрывать дѣйствительность, обманывать массы, маскировать себя, пазывать черное бѣлым” и т. д., — он повторяет не только то, что демократы и социалисты утверждали на десять лѣт раньше него, на слѣдующій же день послѣ утверженія в Россіи большевистской диктатуры. Троцкій повторяет, можно сказать, АЗБУКУ демократическаго социализма—социализма во имя свободы, а не рабства.

Еще Герцен, со дня рожденія котораго исполнилось 125 лѣт, писал—: “Соціальное развитіе возможно только при

полной республиканской свободѣ, при полном демократическом равенствѣ. Республика, которая не вела бы к социализму, кажется нам нелѣпой,—переходное состояніе, которое разсматривало бы себя, как цѣль. СОЦІАЛИЗМЪ, КОТОРЫЙ ХОТѢЛ БЫ ОБОЙТИСЯ БЕЗЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ, БЕЗЪ РАВНОПРАВІЯ, БЫСТРО ВЫРОДИЛСЯ БЫ ВЪ САМОДЕРЖАВНЫЙ КОММУНИЗМЪ”.

Троцкій понялъ это, очутившись “на том берегу” — с берегов Невы и Москвы перекочевав на Золотой Рог и Мексиканскій залив. Но то, что он упорно отказывается распространить свою критику и на первую, рѣшающую “пятилѣтку” Октября, отнимает не только убѣдительность у его аргументаціи, но и дѣлает ее двойственной и двуличной.

Герцен теоретически предусмотрѣлъ еще в 1868 году возможность “самодержавнаго коммунизма”, или ЛЖЕ-СОЦІАЛИЗМА. Он писал о нем в сослагательном наклоненіи. Россійскій и германскій опыт превратили возможность в дѣйствительность: изъявительное наклоненіе стало на мѣсто герценовскаго сослагательнаго. Европа познала, что такое мнимый социализм. И как на уроках лже-конституціонализма міръ научился конституціонализму подлинному и благотворному, так, остается надѣяться, что и на уроках лже-социализма міръ познает, как невозможно и недолжно строить социализм.

В этом будет оправданіе и нашей жизненной судьбы, и судьбы Россіи, и нашей эпохи. “Мы жили и живем, как великій урок для отдаленнаго потомства, которое воспользуется им непремѣнно. Но в настоящем времени, что бы мы ни говорили, мы составляем пробѣлъ в порядкѣ разумѣнія”. Эти историческія слова “безумнаго” Чаадаева, утѣшительныя и вмѣстѣ с тѣм безнадежныя, приобрѣтают сейчас иной и особый смысл.

М. В. ВИШНЯК.